

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

С.И. Клецкая*Южный федеральный университет**Ростов-на-Дону, Россия**kleckaja@inbox.ru***МИФ ОБ «УНИВЕРСАЛЬНОМ ОБРАЩЕНИИ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИТУАЦИЙ АНОНИМНОГО КОНТАКТА)****[*Svetlana I. Kletsckaya* Myth about “universal address” in modern linguistics
(on the material of anonymous contact situations)]**

It is implied the material of anonymous situational contact between strangers to offer a critical analysis of the idea of "universal address" in Russian linguistics. Address as a special phenomenon involves differentiation, based on the significant features of the recipient (gender, age, social status), as well as register and tone of communication. The idea of "universal address" contradicts the linguistic reality, especially if we are talking about a developed language that serves the needs of broad social strata and diverse spheres of communication. It is concluded that for the modern language situation, it is more productive to increase the depth of native speakers' understanding of the current system of vocatives, which is characterized by the absence of "default" options, and therefore, de-automatization of the choice of the unit. In addition, when forming a speech culture, attention should be focused not only on its active component (the behavior of the contact initiator), but also on its passive component (the reaction of the person being addressed).

Key words: address, vocative, system of addresses, Russian addresses, speech etiquette, speech culture.

В зависимости от ситуации, в которой используется обращение, следует различать обращения при анонимном контакте (на улице, транспорте, магазине, государственном учреждении и т. д.) и в ситуации, которая предполагает если не знакомство коммуникантов, то знание имени собеседника. В данной работе будет рассмотрена лишь первая ситуация (которая, впрочем, характеризуется достаточной сложностью). Ситуация контакта между незнакомыми людьми специфична в том отношении, что многие признаки и сведения, типично используемые в составе обращения, – например, имя, социальный статус (должность, звание, нахождение в браке для женщин и т. д.) – в ситуации

контакта с незнакомым человеком неизвестны. В силу этого единственно возможной оказывается опора на внешние признаки (пол, возраст, внешний вид), которые являются единственным основанием для выделения адресата. Выбор этого материала обусловлен тем, что именно ситуация анонимного контакта ставит вопрос об адекватных средствах обращения особенно остро.

Тема «универсального» («стандартного», «эталонного», «официального» и т. д.) обращения в российской лингвистике последних десятилетий актуализируется довольно регулярно. При этом имеется в виду обращение, которое потенциально было бы применимым в любой ситуации контакта. Например, Г. Г. Хазагеров, обсуждая эталоны речевого поведения, рассматривает отсутствие стандартных, эталонных, устоявшихся слов для обращения к незнакомому человеку как актуальную лакуну и перечисляет варианты такого обращения к мужчине: «Сударь»? «Батенька»? «Товарищ»? «Друг»? «Мужик»? «Брат»? «Мужчина»? [7, с. 40]. Сама избираемая автором форма представления этих вариантов (наличие при них вопросов) свидетельствует о том, что ни один из них не оценивается автором как подходящий на роль стандартного обращения. Аналогичным образом ситуацию рассматривает В. А. Ефремов: «...следует признать, что в современном русском речевом этикете нет универсальных обращений, позволяющих в любой ситуации начать разговор с незнакомым человеком на улице» [2, с. 46]. Подобная позиция выражена и в других работах (см., например, [3; 6, с. 910]).

В отдельных случаях идея «универсального» обращения присутствует в аргументации неявно. В этом отношении показателен анализ обращения *товарищ*, предлагаемый М. Кронгаузом [4]. Автор справедливо отмечает, что данное обращение снимало многие различия, характерные для дореволюционных обращений. На поверхности лежит возможность употребления вокатива к человеку независимо от его пола; менее явные проявления универсальности обращения *товарищ* заключаются в возможности его применения как с фамилией, так и без нее, а также в нивелировании дистанции между коммуникантами (*товарищ* может использоваться независимо от социального статуса адресанта и адресата, ср. *товарищ генеральный секретарь*, *товарищ командир*, *товарищ проводник*, *товарищ дворник* и т. д.).

Сам М. Кронгауз указывает на недостатки этого обращения с точки зрения его универсальности. Прежде всего, обращение *товарищ* было на-

гружено идеологическими ассоциациями, а потому могло звучать оскорбительно; слово *товарищ*, как и *господин*, не было «чистым» вокативом, но использовалось как номинация, что позволяло противопоставлять «товарищей» «господам», то есть выражать классовые смыслы. Добавим к этому «конкуренцию» между обращениями *товарищ* и *гражданин*, логику которой лучше всего передает крылатое выражение *Тамбовский волк тебе товарищ*, ставшее популярным благодаря фильму «Дело Рязанцева». Наконец, обращение *товарищ* не преодолевает противопоставления между официальным и неофициальным, а следовательно, его вряд ли правомерно рассматривать как универсальное.

Сложность выбора обращения в современной русской речевой культуре отрицать невозможно. Система русских обращений включает чрезвычайно широкий набор вокативов. Многие из них в силу принадлежности к особым историческим пластам лексики имеют яркую идеологическую окраску (*господин/госпожа, сударь/сударыня, товарищ, гражданин*). Особо выделяется группа вокативов, опирающихся на систему родственных отношений и справедливо характеризуемых как проявления «деревенской» культуры (*мать, отец, дедуля, бабуля, сынок, дочка, брат* и т. д.), которая противопоставляется вокативам безличным, учитывающим пол и возраст (*мужчина, женщина, молодой человек, девушка*). Наконец, нельзя не отметить «обращения без обращения», то есть формы, выступающие как субституты обращения и представленные повелительными и вопросительными предложениями (*Извините..., Простите..., Будьте любезны..., Не подскажите...* и т. д.). Такое многообразие вариантов, предлагаемых языковой традицией и узусом, несомненно, усложняет для говорящего задачу установления анонимного контакта. При этом любая из этих форм может быть подвергнута критике с точки зрения критериев универсальности, допустимости, культурности и т. д.

Однако в действительности идея «универсального обращения» во многих отношениях проблематична. Во многом это связано с самим понятием «универсального обращения», которое отражает идеал, а не реальную практику, и вряд ли может существовать в такой богатой речевой культуре, как русская.

В частности, идея «универсального обращения» активно проецируется на другие языки. В современных работах встречается представление о том, будто в других языках существуют обращения универсальные и «общепринятые», то

есть применимые в любых ситуациях. Особенно часто в качестве примера приводят английский язык [1; 7], иногда – французский [6, с. 910]. Однако анализ данных показывает, что это не соответствует действительности.

Наиболее распространенные обращения *Mr, Mrs, Miss, Ms, Master* в английском языке типично используются в сочетании с фамилией, а следовательно, предполагают знакомство между коммуникантами. Однако их изолированное использование, как указывают некоторые авторы, является «относительно ограниченным», поскольку само по себе обращение *Mister* звучит оскорбительно (*rude*), а *Missus* – грубо (в смысле недостатка воспитания, «*uncultivated*») [10, 197]. На это же указывают авторы «Кембриджской грамматики английского языка». Точно так же обращения *Sir!* или *Madam!* к прохожему, который обронил что-то, не являются общераспространенными [8, р. 228] и более уместны в рабочих отношениях [8, р. 231]. Примечательно, что это обращение абсолютно неуместно в общении между равными. При обращении на улице допустимо использование обращения *mate* (австралийцы используют этот вокатив при обращении к женщине, хотя обращение к мужчине все равно остается основным [11, р. 253]), однако это обращение является слишком неформальным [8, р. 231]. Для англоязычной речи также характерен отказ от обращения в ситуации, когда говорящий не уверен в том, какую форму обращения следовало бы использовать [9], и использование «нулевой» формы обращения (*Excuse me...; Can you..., please* и т. д.) [5, с. 121]. Очевидно, это также свидетельствует о том, что традиционные английские обращения далеко не так универсальны, как это иногда кажется (хотя, несомненно, очень распространены в общении между знакомыми людьми).

Приведенные факты ясно показывают, что ситуация в английском языке не так сильно отличается от русской, а система обращений в английской речевой культуре не обладает четкостью и устойчивостью, которая позволяла бы утверждать, что в английском языке «универсальные обращения» существуют.

Богатство русской речевой культуры в сфере вокативов является специфической чертой современного русского языка, обусловленной его богатой историей и широчайшей социальной базой, потребности которой он обслуживает. Хорошо известно, насколько мощным и непреодолимым является сопротивление носителей языка любым попыткам нормирования их речевого поведения. В таких условиях шанс нахождения эффективного варианта «универсального об-

ращения» чрезвычайно невелик, а любые попытки внедрить такое обращение, вероятнее всего, обречены на провал. Это делает «универсальное обращение» нереализуемым идеалом, который противоречит реальности русского языка.

В этом отношении внимания заслуживает позиция М. Короткой и М. Грушецкой, которые именно в отсутствии «официального» обращения видят причину разнообразия форм обращения [3, с. 64], то есть, по всей вероятности, меняют местами причину и следствие. При этом авторы указывают на кажущееся им вероятным «введение единого официального обращения, которое со временем будет принято населением» [3, с. 65]. Не совсем понятно, какие административные механизмы позволили бы это осуществить, тем более что неофициальные сферы коммуникации, принципиально не управляемые «писаными» нормами любой природы, вряд ли могут быть «ликвидированы». При этом полученные авторами данные свидетельствуют о том, что носители русского языка в плане предпочтительных вариантов чрезвычайно далеки от единства: самые популярные варианты (*гражданин, гражданка; сударь, сударыня*) не набрали среди опрошенных даже 20%. Интерпретировать вслед за авторами такие данные как весомую предпосылку для введения «официального обращения» вряд ли возможно.

Разумеется, говоря об универсальном обращении, исследователи вряд ли имеют виду единственный вариант (хотя вокатив *товарищ* является примером того, что подобная модель теоретически возможна). Однако сам по себе факт, что в работах речь идет об обращении в единственном числе, довольно симптоматичен.

В этом отношении показательны слова В. А. Ефремова: «К сожалению, современный речевой этикет, в отличие от достаточно жестко структурированного дореволюционного, не имеет *полноценного и удобного для любой ситуации оклика незнакомого человека*» [2, с. 45] (курсив мой – К. С.). Сопоставление с дореволюционным этикетом заслуживает внимания: подобный оклик, удобный для любой ситуации, не только вряд ли существовал в дореволюционной России в силу чрезвычайной значимости социальных различий, но и вряд ли возможен в принципе, поскольку такой универсальный отклик предполагал бы отвлечение от любых качеств, индивидуализирующих адресата обращения. Только обращение, в котором такие различия преодолены, может претендовать на статус универсального. Это косвенно подтвер-

ждается мыслями самого В. А. Ефремова, который непосредственно продолжает процитированный пассаж рассуждением об отшлифованной в течение десятилетий *системе* дореволюционных обращений: система предполагает наличие множества, пусть и обозримого, а следовательно, исключает наличие «универсального» обращения, применимого в любом контексте.

В связи с этим нельзя не отметить, что от «универсального» обращения исходит определенная опасность, которая состоит как раз в том, что оно снимает значимые различия, касающиеся как позиционирования участников контакта в рамках контакта, так и регистра контакта. Наличие «универсального» обращения означало бы, что эти различия и оттенки были бы устранены, а общество превратилось бы в однородную множественность равноценных индивидов, которые не различаются ни социальными статусами, ни полом, ни возрастом, ни какими-либо другими признаками и взаимодействуют в едином социально-коммуникативном пространстве, в котором отсутствует, например, разграничения официального и неофициального, «высокого» и «низкого». Вопрос заключается не в том, что такая модель общества неправильна, — вопрос в том, что члены общества вряд ли такую модель примут. Актуальное многообразие обращений, функционирующих в русском коммуникативном пространстве, свидетельствует как раз о том, что для значительной части носителей языка все закреплённые в активных вокативах различия существенны.

В связи со сказанным считаем необходимым сформулировать несколько положений, которые представляются принципиальными для выработки позиции современной лингвистики относительно вокативов, а также стратегии влияния на сложившуюся в русском языке ситуацию.

1. В плане преподавания и популяризации культуры речи продуктивными представляются не рассуждения о лакуне в русском коммуникативной культуре (тем более что мы имеем дело скорее с переразвитием соответствующего ее фрагмента), не поиски подходящего «претендента» на роль «универсального обращения» и не проекты внедрения такого обращения, а исчерпывающее и по возможности компактное описание этих средств с четким указанием наиболее существенных принципов их употребления. Цель лингвиста, адресуя свою речь широкой аудитории, заключается в разьяснении сильных и слабых сторон каждого из обращений или их категорий, тонкостей их использования, возможных нежелательных последствий и эффек-

тов, а также способов их устранения. Лингвист должен приучать носителей русского языка к гибкости и быть посредником между носителями различных предпочтений. В арсенале любого образованного носителя языка — пусть даже пассивном — должны иметься обращения нескольких категорий (а не одной категории, которые он по каким-то причинам считает «правильными», допустимыми и уместными).

В этом смысле представляются важными противопоставления допустимого и вежливого недопустимому и грубо-фамиллярному (*Эй, ты!*), а также официального регистра (*господин/госпожа, гражданин, товарищ* и т. д.) регистру неофициальному (*мужчина, женщина, девушка, молодой человек, отец, брат, сударь/сударыня* и т. д.), внутри которого условно можно условно противопоставить обращения «городской» (*мужчина/женщина, сударь/сударыня*) и «деревенской» (*отец, мать, сынок, дочка* и т. д.) культур. Способность четко соотносить конкретные отношения с регистрами взаимодействия в значительной степени упростит говорящему ориентацию в системе обращений. В частности, это предполагает отказ от акцента на негативных примерах, иллюстрирующих неуместность использования того или иного обращения, в пользу позитивных примеров и интерпретаций.

В сложившихся обстоятельствах наиболее адекватной кажется опора на свободный выбор инициатора контакта в сочетании с оценкой обстоятельств и условий анонимного контакта, а также личностных характеристик адресата обращения. Важность свободного выбора определяется тем, что обстоятельства контакта и доступные для оценки характеристики адресата в наши дни не могут обеспечить основу для выбора обращения. В силу этого инициатор контакта неизбежно выбирает стиль контакта в соответствии со своими языковыми, ценностными, эстетическими, эмоциональными и пр. предпочтениями. Сложность русской системы обращений, не предлагающей варианта «по умолчанию», повышает коммуникативную свободу и ответственность говорящего. Это означает, что автоматизм в ситуации анонимного контакта исключен, а выбор обращения по факту является деавтоматизированным.

2. Применительно к вокативам нормативные рекомендации и оценочные описания ориентированы на активную сторону коммуникации (инициатора контакта), но не учитывают культуры реципиента. В то же время роль этого фактора очень велика. Ситуация контакта с незнакомцем рассматривается

как вторжение в личное пространство, а потому закономерно предположить, что практически любое обращение может быть воспринято как оскорбительное, недостаточно уместное и «культурное» (или даже неуместное или «некультурное»). Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что взрослый мужчина, который употребляет при обращении к другому взрослому мужчине активные в современной русскоязычной коммуникации вокативы (*сударь, товарищ, друг (дружнице), брат (братишка), молодой человек, уважаемый* и т. д.) имеет положительные намерения. Подавляющее большинство обращений – этой явный маркер стремления установить нейтрально-официальный или положительно окрашенный контакт, что реципиент, несомненно, должен «считывать». Неуместен не обязательно тот или иной вокатив – неуместна отторгающая реакция на него. У реципиента должно присутствовать уважение к миру обращающегося и его позиции в социальной иерархии, а также к выбору им коммуникативного регистра для взаимодействия. В этом смысле использование советского *товарищ* или просторечного *братишка* вряд ли может быть причиной суждений о грубости, неуместности или неправильности – таков выбор говорящего, который так или иначе мотивирован, и этот выбор также следует уважать.

3. Следует отметить переоценку проблемы обращения. При установлении контакта между незнакомыми людьми обращение является лишь «проходным», вспомогательным средством, важным с точки зрения оформления иного взаимодействия (получения информации, предупреждения, просьбы о помощи и т. п.). Выбирая конкретный вариант обращения, инициатор контакта предлагает «правила игры», с которыми можно соглашаться или не соглашаться, но попытка перевести взаимодействие в русло других правил обычно приводит к относительному «обострению» взаимодействия или его усложнению. Согласование устраивающих обе стороны правил (если таковые вообще имеются) и их смена требуют времени, что приводит коммуникантов к «увязанию» на стадии установления контакта, так что момент, который в полном смысле этого слова является «проходным», оказывается в фокусе внимания, препятствуя решению действительно актуальной задачи. В ситуации анонимного контакта имеет смысл акцентировать внимание не на отношениях между участниками контакта, а на непосредственном поводе контакта (обычно — потребности того, кто контакт инициирует).

Таким образом, разрешение «проблемы обращения» в речевой культуре с богатыми историческими традициями требует от лингвистики и культуры речи выработки новой стратегии. Дисциплины лингвистического цикла вряд ли способны найти или выработать обращение, которое удовлетворило бы всех; любое «насильственное» внедрение «стандартных» обращений также не приведет к ожидаемому результату. Поэтому на современном этапе задача должна заключаться скорее в выработке у носителей языка 1) умения более гибко и осознанно использовать систему закрепленных традицией языковых средств, а также 2) более глубокого понимания смысловой и культурной мотивировки, стоящей за каждой из категорий активных вокативов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Долженко Н. Г., Векшина П. А. Обращение в русском обществе и языке в диахроническом и синхроническом аспектах // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1 (40). С. 88-91.
2. Ефремов В. А. Трансформации русского речевого обращения // *Universum*: Вестник Герценовского университета. 2010. № 10. С. 44-48.
3. Короткая М., Грушецкая М. Особенности обращений в речи жителей г. Ставрополя // *Lingua-universum*. 2008. № 5. С. 64-66.
4. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: Corpus, 2017. 512 с.
5. Перепеляк Т.А. Обращение как элемент системы вежливости // Язык: категории, функции, речевое действие. материалы девятой научной конференции с международным участием: в 3 частях. 2016. С. 120-123.
6. Сеидомарова С. Н., Нурланбекова Е. К. Обращение в речевом этикете // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7. С. 907-911.
7. Хазагеров Г. Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 30-44.
8. Carter R., McCarthy M. Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and Written English Grammar and Usage. New York: Cambridge University Press, 2006. 973 p.

9. *Ervin-Tripp S. M.* Alternation and co-occurrence // Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 218–250.
10. *Gramley S., Pätzold K.-M.* A Survey of Modern English. London, New York: Routledge, 2004. 397 p.
11. *Rendle-Short J.* The Address Term Mate in Australian English: Is it Still a Masculine Term? // Australian Journal of Linguistics. 2009. Vol. 29. № 2. P. 245-268.

R E F E R E N C E S

1. *Dolzhenko N.G., Vekshina P.A.* Appeal in Russian society and language in diachronic and synchronic aspects // Bulletin of the Ugra State University. 2016. No. 1 (40). P. 88-91.
2. *Efremov V.A.* Transformation of Russian speech circulation // Universum: Bulletin of the Gertsen University. 2010. No. 10. P. 44-48.
3. *Korotkaya M., Grushetskaya M.* Features of addresses in the speech of residents of Stavropol // Lingua-universum. 2008. No. 5. P. 64-66.
4. *Krongauz M.* Russian language on the verge of a nervous breakdown. M.: ACT: Corpus, 2017. 512 p.
5. *Perepelyak T.A.* Address as an element of the courtesy system // Language: categories, functions, speech action. Materials of the ninth scientific conference with international participation: in 3 parts. 2016. P. 120-123.
6. *Seidomarova S.N., Nurlanbekova E.K.* Address in speech etiquette // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 7. P. 907-911.
7. *Khazagerov G. G.* Rhetoric vs. stylistics: semiotic and institutional aspects // Sociological journal. 2008. No. 3. P. 30-44.
8. *Carter R., McCarthy M.* Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and Written English Grammar and Usage. New York: Cambridge University Press, 2006. 973 p.

9. *Ervin-Tripp S. M.* Alternation and co-occurrence // Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. P. 218-250.
10. *Gramley S., Pätzold K.-M.* A Survey of Modern English. London, New York: Routledge, 2004. 397 p.
11. *Rendle-Short J.* The Address Term Mate in Australian English: Is it Still a Masculine Term? // Australian Journal of Linguistics. 2009. Vol. 29. No. 2. P. 245-268.

30 сентября 2020 г.
